

Р. Г. ХАЧАТРЯН, *Русская историческая мысль и Армения (XVII—начало XIX в.)*; Ереван, изд-во АН АрмССР, 1987, 362 с.

Составной частью многогранной проблемы армяно-русских исторических связей, безусловно, является тема «Русская историческая мысль и Армения». Необходимость ее научного освещения ощущалась давно. С выходом в свет монографии Р. Г. Хачатряна восполнился этот пробел. Как справедливо отмечает автор монографии, им рассмотрено «два аспекта проблемы: 1) значение русской исторической науки в научной разработке истории армянского народа и русско-армянских отношений и 2) роль русской исторической литературы в русско-армянском сближении» (с. 337). Для освещения проблемы, имеющей первостепенное научное и актуальное политическое значение, автором монографии с завидной добросовестностью проделана огромная работа. Дело не только в том, что ему предстояло проработать и проанализировать большой материал. Он должен был осмыслить и обобщить многие явления прошлого, прямо или опосредованно связанные с изучаемой проблемой, раскрыть их историко-философское значение.

Как отмечает Р. Хачатрян, в силу исторических судеб России пришлось соприкасаться со многими народами, а многонациональный характер населения русского государства ставил перед русской исторической мыслью задачу изучения прошлого этих народов, истории взаимоотношений русского народа с народами, живущими в пределах русского государства или по соседству с ним. Этим обстоятельством и объясняется многогранность русской исторической науки, отличающейся широтой охвата богатых по содержанию материалов, касающихся истории народов СССР. Разумеется, русская историческая мысль не обошла стороной и Армению: история армянского народа, армяно-русских отношений нашли достойное освещение в русской исторической литературе.

В первой главе монографии освещение проблемы начинается с выяснения вопроса: какое наследие получила русская историческая наука об истории Армении от русской исторической мысли летописного периода. В этой связи автором впервые раскрывается аспект преемственности знаний об Армении в русской исторической науке. Изучение вопроса приводит его к научно обоснованному выводу, что в русских летописях и других источниках XII—XVI вв. «имеется много ценных сведений об Армении и армянском народе, свидетельствующих о том, что Армения занимала определенное место в системе знаний по истории, географии и языку в древней и средневековой Руси» (с. 44), начиная с «Повести временных лет» и далее на протяжении всей истории русского летописания прослеживаются материалы по Армении, содержатся интересные сведения, относящиеся к Армении и к русско-армянским связям» (с. 45). К таким ценным сведениям относится четкое представление об исторической географии Армении; в русских летописях имеется ясное, с научной точки зрения верное представление об основном географическом разделении Армении на Великую и Малую, соответствующее исторически сложившейся географии Армении. Географические понятия «Великая Армения» и «Малая Армения», отраженные в русских летописях, в дальнейшем унаследовала и русская историческая наука, в которой они прочно закрепились. Автор монографии отмечает, что в русских источниках и летописях большое место отводится библейскому сюжету, связанному с горой Арарат. Изучение проблемы приводит его к выводу, что «особый интерес к горе Арарат преемственно перешел и в труды русских историков XVIII в.» (с. 48). Далее отмечается, что в русских летописях встречаются весьма ценные для истории Армении данные об армянах на Руси. По сути дела, эти сведения раскрывают перед нами предысторию некоторых армянских колоний в России.

Русская гуманитарная наука проявляла большой интерес не только к истории армянского народа, но и к армянскому языку. Как известно, уже в XIII—XV вв. в России стали составлять словари-«азбуковники». В этих словарях встречаются обращения и к примерам из армянского языка, армянским географическим названиям и именам. На основе анализа конкретного материала Р. Хачатрян констатирует, что уже в XVI—XVII вв. русская читающая общественность получила определенную информацию об Армении и армянском народе, о его языке.

Своеобразный жанр средневековой литературы представляют «Хождения»—сочинения русских людей, побывавших в разных странах и описавших их. В этом плане характерны и интересны сочинения Зосима Иеродиакона (XV в.), Федота Котова, Василия Гагары, Арсения Суханова и других, в которых содержатся многочисленные сведения о русско-армянских связях, об истории Армении, о национально-освободительной борьбе армянского народа против чужеземных захватчиков, интересные данные об армянском языке, о географии Армении, о Ереване, Арарате. В них встречаются весьма любопытные наблюдения русских людей о бесправном положении армянского народа, находившегося под турецким и персидским игом. Все эти сведения об Армении, содержащиеся в русских летописях, путевых заметках, словарях, перешли в русскую историческую науку, подверглись научной обработке и анализу, дополнились новыми материалами и послужили основой для научных выводов, относящихся к истории армянского народа и многогранных русско-армянских отношений.

С расширением в XVIII—XIX вв. экономических, политических и культурных интересов России на Востоке, в частности на Кавказе, возрастал круг вопросов и проблем, к которым было обращено пристальное внимание исторической мысли.

Как известно, русско-армянские отношения уже к концу XVII—началу XVIII вв. приобрели качественно новый характер, оформилась русская ориентация армянского освободительного движения, еще более тесными стали экономические, политические и культурные взаимоотношения русского и армянского народов. Какова была роль русской исторической мысли в этом процессе, как изучались история Армении и армяно-русские отношения в России, как влияла русская историческая мысль на умы и сердца русских людей, какова была ее функция в выработке государственной политики в отношении Армении? Выяснению этих сложных вопросов посвящена вторая глава монографии Р. Хачатряна.

Анализ русской исторической мысли XVIII—начала XIX вв. автор проводит на фоне истории России, в частности, на фоне русской внешней политики. На основании марксистской методологии и с патристических позиций автор рассматривает труды русских историков, относящиеся к истории Армении, армяно-русских отношений, армянских поселений в России. Как известно, XVIII в. был периодом, когда происходило не только дальнейшее сближение русского и армянского народов, но и когда дважды—в 20-х и 80-х годах XVIII в.—армянский народ поднимался на борьбу против чужеземных поработителей, надеясь с военно-политической помощью России получить независимость, а в первой трети XIX в. осуществилось освобождение Восточной Армении от персидского порабощения с помощью русского оружия.

Кстати, уже в 20-х годах XVIII в. в русско-армянских отношениях появляется новая грань—русско-армянское военное содружество, что не могло не способствовать дальнейшему сближению этих народов. И на это обстоятельство обратили внимание Ф. Туманский, И. Соймонов, И. Голиков и другие, отдав должное преданности армянского народа России. Среди русских историков XVIII в. особо следует отметить заслуги В. Татищева, который будучи на протяжении определенного отрезка времени астраханским губернатором, принимал деятельное участие в русско-армянских экономических и политических отношениях, общался с армянами, проявлял живой интерес к армянскому языку, к истории Армении. Все это, как справедливо отмечает Р. Хачатрян, нашло свое отражение в научном творчестве В. Татищева. Он первым в русской исторической науке ввел в обращение и дал научные комментарии материалам, относящимся к Армении, содержащимся в русских летописях и литературных памятниках (с. 132—133).

Во второй половине XVIII в. большой интерес к истории армянского народа проявлялся и в русской научной периодике. Опубликованные в ней материалы являются ценными источниками по истории Армении.

Заслуживают особого внимания труды русских историков второй половины XVIII века—М. Чулкова, И. Голикова, П. Рычкова, Ф. Туманского и других. В сочинениях этих авторов нашли отражение многие аспекты армяно-русских торгово-экономических отношений. Русские историки особо отмечают роль армянских купцов в русской восточной торговле. Автор рецензируемой книги впервые в советской историографии даст научную оценку многогранному труду М. Чулкова как источнику по экономической истории России вообще и по истории армяно-русских торгово-экономических взаимоотношений в частности. И на наш взгляд, делает это с большой научной убедительностью, с глубоким знанием хода и развития этих отношений. Кстати, по материалам М. Чулкова Р. Хачатрян вносит некоторые коррективы в документы сборника «Армяно-русские отношения в XVII веке».

Интерес к Армении и армяно-русским отношениям русская историческая наука питала и в XIX в. Как и следовало ожидать, с возрастанием интереса России к Востоку в целом и, в частности, к Армении, возрос также интерес русской исторической науки к армянским историческим источникам. В этой связи Р. Хачатрян подчеркивает то обстоятельство, что русские историки с должным вниманием относились к труду патриарха армянской исторической науки—Мовсесу Хоренаци.

Особая роль в изучении истории русско-армянских отношений принадлежит Н. Карамзину, впервые введшему в научный обиход многие новые материалы, относящиеся к проблемам истории Армении. Особое внимание Н. Карамзина привлек Мовсес Хоренаци в связи с изучением истории славян. В частности, приоритет упоминания славян в мировой исторической литературе Н. Карамзин признает за Мовсесом Хоренаци. Заслуга Карамзина заключается и в том, что он впервые ввел в обращение в русской исторической науке армянские источники по истории славян и России.

Третья, заключительная глава монографии Р. Хачатряна посвящена роли русской исторической литературы в русско-армянском сближении. Этот вопрос впервые изучается автором на фоне истории генезиса русской ориентации армянского освободительного движения. Очень важен вывод автора о том, что корни сближения наших народов уходят в глубокую древность, что в немалой степени послужило укреплению русской ориентации армянского освободительного движения и дальнейшему развитию армяно-русских политических, экономических и культурных связей.

Р. Хачатрян справедливо замечает, что не только официальная политика российского правительства вдохновляла сторонников русской ориентации. Он приходит к вполне убедительному выводу, что в духовном сближении русского и армянского народов весьма значительна роль исторической литературы, ибо она излагала положение армянского народа под турецко-персидским игом не с академической беспристрастностью, а с определенной симпатией к армянам, вызывая тем самым сочувствие русского читателя к армянскому народу. Следовательно, эта литература была фактором, способствующим оформлению освободительной мысли России, русского народа. В то же время мы считаем, что автору следовало бы проявить более критическое отношение к анализируемым трудам русских авторов, так как зачастую они сами зависели от официальной политики, поскольку причины, побуждавшие дипломатию русского самодержавия предпринять тот или иной шаг, были тщательно завуалированы благородными, гуманными идеями.

Говоря о русско-армянском церковном сближении, Р. Хачатряну следовало бы сослаться на соответствующие рукописные материалы, хранящиеся в фондах Матенадара на им. Маштоца, в частности, на переписку католиков Симеона Ереванца и Акопа Карнеци с влиятельными русскими церковными деятелями.

На наш взгляд, не является убедительным заявление автора о том, что «первым историографом русско-армянских отношений петровского времени, в определенном смысле, был сам Петр I». Если подходить с такой меркой к Петру I, то его можно назвать также историографом русско-голландских или русско-шведских отношений.

Ясно, что глава абсолютистского государства руководил внешней и внутренней политикой и, следовательно, принимал деятельное участие в составлении многих дипломатических и юридических документов, однако это не дает нам право считать монарха историографом сношений России с той или иной страной.

Наши замечания отнюдь не умаляют большой научной ценности монографии Р. Хачатряна, внесшей значительный вклад не только в область изучения истории русско-армянских отношений, но и в область изучения русской исторической мысли.

Хотелось бы выразить пожелание, чтобы Р. Хачатрян продолжил изучение русской исторической мысли последующих десятилетий XIX в. Ведь присоединением Восточной Армении не завершилось освобождение всего армянского народа, большая часть Армении продолжала оставаться под турецким игом. Русская передовая общественная мысль вообще и историческая мысль XIX в. в частности не была безучастным наблюдателем безправного положения армянского народа. Она продолжала активно влиять на умы и сердца русских людей, способствовала выработке концепции освобождения всей Армении от турецких поработителей.

В. М. МАРТИРОСЯН,
кандидат исторических наук